

Негативная уголовно-процессуальная ответственность¹

А. С. Барабаш

Кандидат юридических наук, доцент Красноярского государственного университета.

Обеспечение беспрепятственного функционирования норм права в процессуальных отношениях не менее важно, чем в материальных. Более десятилетия назад началась разработка понятия ответственности в процессуальном смысле и в науке уголовно-процессуального права. Исследования развернулись в двух направлениях: выяснялось, что такое ответственность в позитивном и негативном аспектах.[1] Причем последнее направление получило в Литературных источниках преимущественное отражение. Мы не ставим под сомнение необходимость разработки понятия позитивной ответственности в процессуальной науке. Но лишь тогда, когда будет разработано понятие негативной уголовно-процессуальной ответственности, порядок ее установления и реализации, появится осознанная возможность говорить о способах формирования в рамках уголовного процесса ответственного отношения субъекта к своим обязанностям. В данном отношении позитивная ответственность выступает как цель, а негативная — как одно из средств ее формирования.

Под негативной уголовно-процессуальной ответственностью обычно понимают реализацию санкции, полагая, что ответственность проявляется как наказание и возможна на основании норм, имеющих собственную санкцию.[2] Интерпретация уголовно-процессуальной ответственности через санкцию так или иначе присутствует в работах всех процессуалистов, затрагивающих данный вопрос. Объем же, конкретные формы ответственности определяются

¹ Барабаш, А. С. Негативная уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. -1987. - № 4. - С. 89 - 93

по-разному. Одни рассматривают при этом лишь случаи реализации непосредственно уголовно-процессуальной санкции,[3] когда на субъекта «вкладываются определенные ограничения за конкретное правонарушение. Другие считают, что ответственность за уголовно-процессуальное нарушение может выступать в виде уголовно-правовой, административной и дисциплинарной.[4] Третьи расширяют объем ответственности за счет включения в нее и реализации праввосстановительных санкций. Наиболее полно последняя точка зрения выражена З. Ф. Ковригой. К уголовно-процессуальной ответственности она относит отмену или изменение незаконных и необоснованных актов.[5]

В рамках традиционного подхода к определению уголовно-процессуальной ответственности предпринимаются попытки более глубокого проникновения в ее сущность. Например, В. Г. Капустянский рассматривает такую ответственность с позиций уголовно-процессуального отношения, возникшего в результате нарушения норм уголовного процесса между нарушителем и компетентным органом государства.[6] Однако обязанность лица отвечать за содеянное он жестко связывает с реализацией санкции. В результате из-за неопределенности понимания уголовно-процессуальной ответственности автору не удалось преодолеть разрыв между правонарушением и санкцией.

Интересна в этом плане и попытка отдельного рассмотрения уголовно-процессуальной ответственности и наказания. З. Ф. Коврига предлагает различать процессуальное принуждение, процессуальную ответственность и процессуальные санкции.[7] По ее мнению, ответственность связана с санкцией в действии, с ее реализацией, «санкция характеризует статическую функцию права, а юридическая ответственность— его динамику».[8] Другими словами, речь идет о разных вещах: в первом случае о структурной части уголовно-процессуальной нормы — санкции, во втором — о реализации санкции, наказании лица за совершенное правонарушение. Но в рамках

уголовного процесса применительно к случаю реализации санкции за нарушение уголовно-процессуальной нормы не принято употреблять термин «наказание».[9] Независимо от подхода сущность явления остается неизменной. Наказывать — значит налагать взыскание, карать, взыскивать за вину.[10] Провиниться человек может в любых областях своей деятельности и за это может быть подвергнут соответствующему наказанию. В юридической практике наказание рассматривается в рамках санкции нарушенной нормы. Сказанное применимо и к уголовно-процессуальной деятельности. Но если в уголовном праве наказание устанавливается в определенных пределах, то при применении санкции уголовно-процессуальной нормы вид и размер наказания, как правило, устанавливает сам законодатель, т. е. правоприменитель здесь более ограничен в выборе конкретного наказания.

Итак, в конструкции З. Ф. Ковриги наказание — это есть ответственность. Таким образом, произошла подмена одного понятия другим, сущность же явления осталась не раскрытой.

Главный недостаток рассмотренных подходов — отождествление уголовно-процессуальной ответственности с реализацией санкции, наказанием. В результате по-разному трактуются и конкретные проявления уголовно-процессуальной ответственности. Позиция авторов, отождествляющих уголовно-процессуальную ответственность и реализацию санкции и включающих в уголовно-процессуальную ответственность правосстановительные санкции, противоречива. Ведь реализация правосстановительных санкций не преследует цели наказания лица, вынесшего незаконный акт. Значимым при их применении является восстановление положения, существовавшего до вынесения незаконного и необоснованного акта. «Для отмены процессуального акта достаточно установить, что он незаконен и необоснован. Что касается вины конкретных лиц, постановивших незаконный и необоснованный акт (а также их

.наказания. — А. Б.), то этот вопрос решается позже, за пределами судопроизводства».[11]

Учитывая это, отдельные авторы максимально сужают сферу применения уголовно-процессуальной ответственности, беря во внимание лишь случаи действительной реализации наказания за совершенное уголовно-процессуальное нарушение. Например, И. Л. Петрухин упоминает ответственность поручителей, обращение залога в доход государства, удаление из зала судебного заседания, штрафы, налагаемые на переводчика, а также на лиц, присутствующих в зале суда, и др.[12]

Но и такая позиция не позволяет четко решить проблему уголовно-процессуальной ответственности. Если ограничить последнюю случаями, перечисленными И. Л. Петрухиным, то оказывается, что возможны ситуации, когда, несмотря на существующее уголовно-процессуальное нарушение, денежное взыскание на личных поручителей не налагается, лицо не штрафуются и т. д., поскольку в законе в большинстве случаев предусмотрена лишь возможность применения наказания (ч. 3 ст. 57, ст. 93, ч. 2 ст. 94, ч. 5 ст. 1331 УПК РСФСР и др.). Значит, когда есть наказание — есть ответственность, но если по какой-либо причине наказание не применили, то нет и ответственности. Такой подход умаляет значение уголовно-процессуальной ответственности, переводит ее из разряда объективных категорий в субъективные, существование которых зависит от усмотрения правоприменителей.

Уголовно-процессуальная ответственность имеет собственное содержание и порождается не реализацией наказания, а совершенным правонарушением. Именно существующая норма права и ее нарушение — та объективная основа, которая вызывает к жизни уголовно-процессуальную ответственность.

При конструировании норм права законодатель исходит из необходимости обеспечения их нормального функционирования. Ни один случай нарушения норм уголовно-процессуального права не может оставаться без должного реагирования со стороны государственных органов. Иное может привести к подрыву существующего правопорядка. Одним из средств защиты процессуального правопорядка и является уголовно-процессуальная ответственность, сущность которой проявляется в порицании лица, виновного в уголовно-процессуальном нарушении, компетентным органом государства. В данном аспекта уголовно-процессуальную ответственность нельзя понять в отрыве от правового отношения, которое возникает в момент совершения уголовно-процессуального правонарушения, складывается из права государственных органов подвергнуть виновного порицанию и обязанности нарушителя претерпеть последнее и реализуется при порицании указанного лица. Права и обязанности по порицанию, а также их реализация — неразрывное целое, образующее содержание уголовно-процессуальной ответственности. Основанием возникновения последней выступает факт совершения уголовно-процессуального нарушения, независимо от того, в какой форме это нарушение проявилось: превышение полномочий или невыполнение предусмотренных законом обязанностей.

Последнюю часть утверждения следует специально пояснить, так как в литературе существует мнение, что выполнение обязанности под принуждением «возникает не из правонарушения соответствующего субъекта процесса.. ».[13] С этим можно было бы согласиться, если бы все субъекты уголовного процесса выполняли свои обязанности только под принуждением. Но дело обстоит не так. Законодатель ориентируется на добровольное выполнение обязанностей, принуждение же вводится как средство воздействия на не выполняющих свои обязанности, а невыполнение обязанности, предписанной законом, не может рассматриваться иначе как правонарушение.

Принудительное исполнение обязанности — результат уклонения субъекта от выполнения обязанности, возложенной на него решением органа, проводящего расследование, или судом. Подобное поведение влечет или должно повлечь негативную реакцию со стороны судебно-следственных органов, которая выражается в порицании виновного, т. е. в реализации уголовно-процессуальной ответственности, а затем соответствующая обязанность должна быть выполнена под принуждением. В данном случае следует согласиться с тем, что «выполнение процессуальной обязанности под принуждением без применения штрафных мер — это не ответственность, а самостоятельное средство защиты правопорядка».[14] Но несмотря на самостоятельность это средство находится в определенном соподчинении с уголовно-процессуальной ответственностью: сначала порицание лица за виновное невыполнение обязанностей, а затем и принуждение к их исполнению.

Отсутствие законодательной регламентации уголовно-процессуальной ответственности приводит к тому, что ее роль как средства воздействия на правонарушителя умалывается, и на первый план выступает или принудительное исполнение обязанностей, или наказание. Тем самым обесценивается значительный нравственный потенциал, содержащийся в ответственности, правильное применение которой в отдельных, случаях исключило бы необходимость в принудительном исполнении обязанности или в уголовно-процессуальном наказании. Само порицание — фактор, воздействующий на поведение субъекта, результат рассогласования его поведения с требуемым нормой, побуждающий его к правомерному поведению. Применяя ответственность, мы рассчитываем, что лицо, в отношении которого она реализована, будет строить свое поведение с учетом прошлого опыта. Ответственность — это первоначальная реакция на совершенное правонарушение, так как последнее порождает права и обязанности по порицанию. Ответственность — это способ воздействия на нарушителя, преследующий цель не только устранить помеху в процессе, но и

воздействовать на нравственную структуру личности в плане ее исправления. Основанием для применения принудительного исполнения обязанностей или наказания является установленная и реализованная уголовно-процессуальная ответственность и данные, свидетельствующие о необходимости дополнительного воздействия на личность для достижения указанных целей. Все рассматриваемые средства объединяются в систему, применение их направлено на достижение общих целей, и если одно не срабатывает, то применяются другие, обладающие большей степенью воздействия.

Взаимодействие ответственности с принудительным исполнением обязанностей можно проиллюстрировать на примере производства выемки и обыска (ст. 170 УПК РСФСР). И в том и в другом случае следователь предлагает добровольно выдать предметы, документы, могущие иметь значение для дела. Если они выдаются, то нет необходимости ни в реализации уголовно-процессуальной ответственности, ни в принудительном исполнении обязанностей. При отказе выполнить данное требование следователь, обращая внимание на несоответствие поведения лица, у которого производится выемка или обыск, конкретной норме права, тем самым порицает его, реализует уголовно-процессуальную ответственность. В отдельных случаях этого может быть достаточно, а если нет — выемка и обыск проводятся принудительно.

Аналогично соотношению уголовно-процессуальной ответственности и наказания. В соответствии со ст. 263 УПК РСФСР председательствующий предупреждает нарушителя порядка судебного заседания о недопустимости подобного поведения, если же это не подействовало, то за повторное нарушение могут последовать штрафные санкции, наказание. И здесь порицание предшествует решению вопроса о наказании.[15]

Указанные средства защиты и воздействия применяются в определенной последовательности. Это находит свое отражение, например, в случаях, когда обвиняемый не выполняет свою обязанность являться по вызову органа дознания или следствия: первая неявка в зависимости от причин может

повлечь только реализацию уголовно-процессуальной ответственности, вторая — принудительный привод и если есть необходимость — изменение меры пресечения.

Следует остановиться и на мнении, что ответственность за уголовно-процессуальное нарушение может выступать в виде уголовно-правовой, административной и дисциплинарной.[16] Такой подход размывает границы между отраслями права. Предмет любой ответственности четко определен отраслевой принадлежностью нарушенной нормы. Если нарушена норма уголовно-процессуального права, то за этим должна следовать соответственно и уголовно-процессуальная ответственность. Другое дело, что в отдельных случаях для достижения целей исправления и перевоспитания нарушителя реализации не только уголовно-процессуальной ответственности, но и уголовно-процессуального наказания недостаточно. В таких случаях можно прибегнуть к применению санкций, предусмотренных другими отраслями, — к наказанию, но не к ответственности.

Сложнее решается вопрос, когда за уголовно-процессуальное нарушение возможно применение и уголовного наказания (ст.ст. 176—185 УК РСФСР). В случае установления данных, свидетельствующих, что лицо дало ложные показания, ложное заключение и т. д., соответствующие органы могут и должны реализовать уголовно-процессуальную ответственность и лишь затем решать вопрос об уголовной. Здесь необходимо установить наличие у государства права на осуждение виновного в совершении преступления и наличие у последнего обязанности подвергнуться такому осуждению. Если при этом сохраняется необходимость в применении уголовной ответственности, она реализуется, а когда этого недостаточно для исправления и перевоспитания лица, переходят к определению и реализации наказания. В этом прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость между уголовно-процессуальной и уголовной ответственностью, но ни в коем случае не подмена одного вида ответственности другим. Непосредственно за уголовно-

процессуальным нарушением всегда должна следовать уголовно-процессуальная ответственность.

1. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 92—105; Чечниа Н. А., Элькинд П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 34; Элькинд П. С. [Рец. на кн.:] Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности // Советское государство и право. 1980. №9. С. 147—148; Мотовиловкер Я. О. Уголовно-процессуальная ответственность обвиняемого и уголовно-материальная ответственность виновного // Правоведение. 1977. №1. С. 59—65; Ковалев В. М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности//Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979; Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность: Автореф. канд. дис. М., 1981; Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж, 1984.
2. Корнухов В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 10, 12—13; Филющенко А. А. Об уголовно-процессуальном принуждении // Правоведение. 1974. №3. С. 108.
3. См., напр.; Еникеев З. Д. Меры уголовно-процессуального принуждения (социальная обусловленность и юридическая природа)//Правоведение. 1978. № 6. С. 64.
4. Алексеева Л. Б. Принуждение и ответственность в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30. М., 1979, С. 88—89 и др.
5. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. С. 26, 54.
6. Капустянский В. Г. Об уголовно-процессуальной ответственности // Правоведение. 1982. №6. С. 103.

7. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 30—40.
8. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. С. 16.
9. Под наказанием понимается особая мера государственного принуждения за совершенное преступление (см.: Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 181).
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 420.
11. Там же.
12. Наиболее последовательно разграничивают понятия «ответственность» и «наказание» представители науки уголовного права (см., напр.: Санталов А. И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении // Вести. Ленингр. ун-та. 1972. № 23. С. 127; Прохоров В. С. Развитие учения об уголовной ответственности // Курс советского уголовного права / Под ред. Н. А. Беляева. Т. 5. Л., 1981. С. 501; Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. С. 60 и др.). Подобное понимание применимо также к соотношению уголовно-процессуальной ответственности и уголовно-процессуального наказания.
13. См., напр.: Филющенко А. А. Об уголовно-процессуальном принуждении // Правоведение. 1974. № 3. С. 108—109.